

Альбер Собуль

КЛАССИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ О НЫНЕШНИХ СПОРАХ

перевод А. О. Зелениной

Французский ежегодник 1976

М.: Наука. 1978. С.155-170

I

Французскую революцию часто изображают как завершение века Просвещения и, следовательно, как событие в основном идеологическое. Такой она предстает перед нами в труде А. Олара¹. Ж. Жорес первый усмотрел в ней социальное явление, а следовательно, и ее экономическое происхождение². Это не значит, что он отрицал всякое значение философского движения. Столь же тщетно и неправильно отрицать зависимость мысли и самой мечты,— пишет он в своем введении к «Социалистической истории»,—от экономической системы и определенных форм производства, сколь ребячливо и поверхностно объяснять упрощенно движение человеческой мысли одним только развитием экономических сил». Революция совершается не только силой вещей, но и «силой людей, силой сознания и воли». Тем не менее — и Жорес особенно подчеркивает это — революция явилась именно завершением долгой экономической и общественной эволюции, которая и привела буржуазию к власти и к экономическому господству. Историки Французской революции по-прежнему придерживаются этого мнения: Альбер Матъез переиздал в 1922 г. труд Жореса; Жорж Лефевр считал Жореса своим учителем³.

В действительности интерпретация Жореса не была новой. Со времен Реставрации историки либеральной школы, даже если они насколько не интересовались экономическими истоками общественного развития, энергично подчеркивали одну из главных особенностей нашей национальной истории: появление, рост и конечную победу буржуазии; занимая промежуточное место между народом и аристократией, буржуазия постепенно создала кадры и выработала идеи нового общества, освящением которого стал 1789 год. Такова главная мысль, которую проводит Ф. Гизо в своем труде «История цивилизации во Франции»⁴. Такого же мнения придерживались и А. Токвиль⁵ и И. Тэн⁶.

* Доклад, прочитанный на советско-французской конференции историков 22 мая 1976 г.

¹ См. особенно: *Aulard A. Histoire politique de la Révolution française. Origine et développement de la démocratie et de la République, 1789—1804. Paris, 1901.*

² *Jaurès Jean. Histoire socialiste de la Révolution française. Nouvelle édition revue et annotée par A. Soboul. Paris, 1968—1972, 6.*

³ «По если кто-нибудь вознамерится отыскать моего учителя, то никого другого, кроме него, я не признаю» («Pro domo»).— *Annales historiques de la Révolution française, 1947, p. 188.*

⁴ *Guizot. Histoire de la civilisation en France depuis la chute de l'Empire romain. 1828—1830, 4 т. (Gизо. История цивилизации во Франции, т. 1—4. М., 1877—1881).* «Рассматриваемый с социальной точки зрения и в своих отношениях с различными классами, существовавшими одновременно с ним на нашей территории, класс, называемый третьим сословием, постепенно расширялся, возвышался и сначала значительно изменил, затем превзошел и, наконец, почти совершенно поглотил все остальные классы». Под третьим сословием, о котором пишет Гизо, мы подразумеваем буржуазию.

⁵ См.: *Tocqueville. De la démocratie en Amérique, 1936. (Токвиль. О демократии в Америке. М., 1897, Введение).* Токвиль спрашивает: «Можно ли думать, что, разрушив феодальный строй и победив королей, демократия отступит перед буржуа и богачами!» (с. 4).

⁶ *Taine J. Les origines de la France contemporaine. L'Ancien Régime, 1876, livre IV, chap. III.*

Однако еще в эпоху Революции Барнав пошел дальше по пути социального анализа. В своем «Введении во французскую революцию», написанном в 1792 г., провозгласив принцип, что собственность *оказывает влияние* на учреждения, Барнав констатирует, что учреждения, созданные земельной аристократией, препятствуют наступлению новой эры и тормозят его⁷.

Именно это направление мысли нашло выражение в 1847 г. в «Коммунистическом манифесте» Карла Маркса, а затем в 1867 г. в первом томе «Капитала».

Итак, социальная интерпретация Французской революции глубоко коренится в нашем историческом прошлом. Только такой метод благодаря своим требованиям широких исследований и критическим размышлениям с самого начала оказался действительно научным. Эта интерпретация мало-помалу усовершенствовалась и стала учитывать всю сложность Революции. Ф. Саньяк в последнем томе своей «Истории Франции», издававшейся под руководством Э. Лависса, и в еще большей мере А. Матъез уточнили, что именно представляла собой в XVIII в. *аристократическая реакция*, завершившаяся в 1787—1788 гг. *дворянским бунтом*⁸. По недостатку провести различие между бунтом аристократии и революцией третьего сословия. Сначала Жорес, а после него Матъез настойчиво указывали на быстрое расслоение третьего сословия. Противоречия, быстро обнаружившиеся между различными группами буржуазии, равно как и между буржуазией и народными массами, отражают сложность Революции и определяют развитие разных ее этапов. Лефевр подошел с тех же позиций к изучению крестьянских масс и показал существование в общих рамках Революции самостоятельного крестьянского движения, обладающего своеобразием в том, что касается его истоков, его методов действий, его кризисов и его тенденций⁹. Те же методы были применены некоторыми его учениками для изучения городских народных масс¹⁰.

Так, пройдя долгий, более чем вековой путь, метод социальной интерпретации Французской революции постепенно совершенствовался. Благодаря тому что он связан с исследованиями, требующими большой эрудиции («без эрудиции нет истории», — повторял Ж. Лефевр), благодаря своему критическому духу и усилиям в области теоретических размышлений, благодаря своему глобальному видению Революции в целом, лишь он один заслуживает признания как подлинно научный.

Это углубление социальной интерпретации Революции прогрессировало по мере развития самой истории. Вот уже скоро два столетия, как каждое поколение историков обращается к Революции, этой колыбели нашей истории, либо чтобы восхищаться ею, либо чтобы ее отвергать, рассматривая ее как бы сквозь призму своих надежд и своей мечты. Ход истории постепенно открывал перед каждым поколением все новые ее аспекты, все более и более многочисленные факторы, находящиеся между собой во все более сложном взаимодействии. Знаменательно, что именно в Киеве, на Украине, где крестьяне были освобождены от крепостной зависимости, но не получили земли в собственность, И. Лучицкий первый занялся изучением аграрного вопроса во времена Французской ре-

⁷ *Barnave. Introduction à la Révolution française, 1 partie, chap. III. Написанное в 1792 г., оно было опубликовано в 1 томе «Сочинений» Барнава, изданных Беранже из Дрома.*

⁸ *Matiez A. La Révolution française, t. 1, 1922, chap. II. 1922, La révolte nobiliaire.*

⁹ *Lefebvre G. Les paysans du Nord pendant la Révolution française. 1924; Idem. Questions agraires au temps de la Terreur. 1932; Idem. La Grande Peur de 1789, 1932.*

¹⁰ См.: *Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l'an II. Mouvement populaire et Gouvernement révolutionnaire. 2 juin 1793 — 9 Thermidor an II. 1958; Rudé G. The Crowd in the French Revolution. 1959.* По ряду причин Р. Кобба нельзя считать учеником Лефевра.

волюции. В 1896 г. он опубликовал работу «Крестьянская поземельная собственность во Франции до революции и продажа национальных имуществ». Знаменательно, что именно во время первой мировой войны Матьез понял экономические нужды большой национальной войны и необходимость управляемой экономики; именно тогда он написал очерки, легшие в основу его труда «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора» («La vie chère et le mouvement social sous la Terreur», 1927).

Так, по мере развития самой истории развивалась и социальная интерпретация Французской революции. И если в середине нашего столетия внимание ее историков обращено на городские народные массы, то не происходит ли это потому, что мир вступил в эпоху массовых движений? Движений, за которыми не без страха наблюдают господствующие классы. Отсюда — обращенные в прошлое тщетные усилия лишить Французскую революцию, этот опасный прецедент, ее исторической реальности или ее социального или национального своеобразия. Классической социальной интерпретации с тех пор противостоит ревизионистское направление. Надеясь ее развенчать, некоторые приверженцы этого направления окрестили классическую интерпретацию «якобинской историографией» Революции; мы не отвергаем это определение, понимая под ним, как учил нас Жорж Лефевр, верность делу народа, но при этом историк не должен пренебрегать настоятельными требованиями научного метода и критического духа. Скажем точнее: прогрессивная традиция историографии Революции от Мишле до Лефевра, идущая через Жореса, Олара и Матьеза, каковы бы ни были оттенки мысли и разногласия между этими учеными, была и остается в своем главном развитии единственно научной.

II

Характерно, что наступление против классической интерпретации Французской революции усилилось в середине 50-х годов, в разгар «холодной войны». В 1954 г. Р. Р. Палмер изложил в статье под названием «Мировая революция Запада» («The World Revolution of the West»), опубликованной в «Political Science Quarterly», концепцию «западной», или «атлантической», революции, которую он неустанно развивал в течение нескольких лет. Тогда же, 6 мая 1954 г., профессор истории Франции Лондонского университета А. Коббен озаглавил свою вступительную лекцию «Миф Французской революции». Любопытно, что американский и английский историки объединились, чтобы поставить под сомнение более чем вековые достижения французской историографии Революции.

Как раз тогда, когда А. Коббен отрицал антифеодальный и буржуазный характер Французской революции, Р. Р. Палмер пытался отрицать ее национальный характер. Он возобновил и развил свою аргументацию в 1955 г. совместно с французским историком Ж. Годшо на международном конгрессе историков в Риме. Ж. Годшо поддержал и дополнил ее в своей книге «Великая нация» («La Grande Nation», 1956), а Р. Р. Палмер — в своем «Веке демократической революции» («The Age of the Democratic Revolution»), хотя надо сказать, что эти работы не встретили большого отклика среди французских историков и не нашли поддержки¹¹.

¹¹ *Palmer R. R. The World Revolution of the West.*— *Political Science Quarterly*, 1954; *Godechot J., Palmer R. R. Le problème de l'Atlantique du XVIIIe siècle au XXe siècle.*— In: X Congresso internazionale di Scienze storiche. Relazioni, t. V. Florence, 1955, p. 175; *Godechot J. La Grande Nation. L'expansion révolutionnaire de la France dans le monde. 1789—1799.* Paris, 1956, 2 v.; *Palmer R. R. The Age of the Democratic Revolution. A political history of Europe and America, 1760—1800.* Princeton, 1959; *Godechot J. Les Révolutions. 1770—1799.* Paris, 1960. По поводу «La Grande Nation» Годшо см. рец. Ж. Лефевра в «Annales historiques de la Révolution française» (далее — AHRF), 1957, p. 272; по поводу «The Age of the Democratic Revolution» Палмера см. рец. М. Рейнара в том же журнале (1960, p. 220).

Итак, Французская революция была якобы лишь «одним из аспектов западной, или, точнее, атлантической, революции, которая началась в английских колониях в Америке вскоре после 1763 г. Ее продолжением явились революции в Швейцарии, в Нидерландах, в Ирландии, а Франции она достигла между 1787 и 1789 гг. Из Франции она вновь совершила скачок в Нидерланды, охватила прирейнскую часть Германии, Швейцарию, Италию, Мальту, восточную часть Средиземноморья и Египет... Позднее она распространилась на другие европейские страны и на всю испанскую Америку. Следовательно, французская революция являлась составной частью «великой атлантической революции»¹².

Указанных авторов нисколько не интересуют экономические и социальные основы исторического развития. Для них важно лишь показать, что Французская революция является только эпизодом в общем ходе истории...

Эта концепция *западной, или атлантической, революции*, включающая Французскую революцию в более широкое движение, топящая ее в расплывчатом международном волнении, лишала Французскую революцию ее подлинных масштабов и ее национального значения. Действительно, уравнивая Французскую революцию с «революциями в Швейцарии, Нидерландах и Ирландии», странным образом преуменьшают глубину и масштабы первой, драматическую напряженность ее социальных и политических битв, значение перемен, которые она вызвала в нашей национальной истории. Можно ли говорить вместе с Р. Палмером о Французской революции как о «революционном потрясении, общем для Европы и Америки»?¹³ Если социальное и политическое потрясение, по крайней мере в континентальной Европе, действительно произошло, то оно было следствием революционных завоеваний наполеоновского господства.

«Западная», или «атлантическая», интерпретация Французской революции, лишая последнюю всякого только ей присущего содержания — экономического (антифеодального и капиталистического), социального (антиаристократического и буржуазного) и национального (единая и неделимая), — сводит на нет полувековую классическую историографию, начиная от Ж. Жореса до Ж. Лефевра. Однако еще Токвиль открыл путь к размышлениям, когда в своей работе «Старый порядок и Революция» («L'Ancien Régime et la Révolution») задал вопрос: «Почему аналогичные принципы и сходные политические теории привели Соединенные Штаты лишь к смене правительства, а Францию — к полному общественному перевороту?»¹⁴ Ставить проблему подобным образом значит выходить за пределы политической истории и истории учреждений, с тем чтобы попытаться вникнуть в экономическую и социальную действительность со всеми ее национальными особенностями.

Этой теории западной, или атлантической, революции так и не удалось, во всяком случае во Франции, одержать верх над классической интерпретацией Французской революции. Ж. Годшо постепенно смягчал постановку вопроса, настаивая на том, что социальные битвы 1789—1793 гг. носили антифеодальный характер¹⁵. Что касается Палмера, то в одном из своих последних трудов, опубликованном в 1968 г., он пишет: «Чем больше подчеркивают мысль о географическом распространении

¹² Godechot J. La Grande Nation, t. 1, p. II.

¹³ Palmer R. R. 1789. Les révolutions de la liberté et de l'égalité. Paris, 1968, p. 305.

¹⁴ Снова цитируем Токвиля: «Но почему эта революция, повсюду подготовлявшаяся, повсюду угрожавшая, вспыхнула во Франции раньше, чем где-либо? Почему у нас она обладала некоторыми особенностями, которых нигде не было или они возникли лишь наполовину» (L'Ancien Régime et la Révolution, nouvelle édition. Paris, 1952, p. 96).

¹⁵ Напомним, что Ж. Годшо организовал 12—16 ноября 1968 г. в Тулузе международный colloquium по проблеме «Уничтожение феодализма в Западном мире». См.: «Abolition de la féodalité dans le monde occidental». Paris, 1971, 2 v.

движения, тем больше его рассматривают с точки зрения в основном *буржуазной* революции». И далее: революция была «решающим эпизодом в истории собственности и имущих классов. Всюду, где революционные идеи проводились в жизнь, т. е. во Франции и в ее дочерних республиках, а затем в наполеоновской империи, собственность обретала новую форму. Собственность на землю была освобождена от распространявшихся на нее феодальных прав и аристократического права первородства»¹⁶. Следовательно, Революция была антифеодальной и по существу своему *буржуазной*. Итак, после более чем десяти лет полемики, которые не прошли, однако, бесследно для прогресса в историческом анализе, Палмер перешел, разумеется с некоторыми оговорками, на позиции классической историографии Революции.

Выдвинутая Р. Палмером в 1954 г. теория соответствовала международной конъюнктуре 50-х годов: надо было укрепить идеологическую солидарность стран атлантического союза, обратившись к XVIII в., к истокам их политических тенденций. С прекращением «холодной войны» вернулась и возможность более ясного видения, соответствовавшего в большей мере действительности. Для Р. Палмера в его труде, вышедшем в 1968 г., Революция 1789 г. была также и революцией во имя равенства, — этот аспект французская школа всегда усиленно подчеркивала.

Более опасным было наступление Альфреда Коббена. Предпринятое в то же время, т. е. в 1954 г., оно составляло единое целое с попыткой Р. Палмера. Но оно было вызвано не столько международной конъюнктурой, сколько давно обдуманной памерецией, так сказать, структурного порядка. Речь шла о том, чтобы на примере Французской революции отвергнуть всякую социальную интерпретацию революций вообще, а в конечном итоге и истории в целом. Отрицая реальное существование классов и классовой борьбы, хотели изгнать демона революций. «Уместно задать себе вопрос, — писал в 1956 г. Ж. Лефевр, — почему интерпретация революций или, скорее, некоторых из них как мифа встречает одобрение. Не приходится сомневаться в том, что это отражает идеологическую эволюцию господствующего класса под влиянием демократического натиска и, главное, натиска русской революции; чувствуя себя в опасности, он отрекается от восстания предков, обеспечивших ему преобладание, потому что видит в нем опасный прецедент»¹⁷. Утверждение, несколько не утратившее и ныне своего значения, если принять во внимание глубинные тенденции американской историографии или рискованные утверждения группы, которая считает себя так называемой «школой Анналов».

Итак, Французская революция якобы не была вызвана столкновением классов, как искони признает французская историческая школа, начиная с Барнава, Тьера и Гизо. Несомненно, существуют различные оттенки в оценках тех, кто вслед за Коббеном отвергает социальную интерпретацию Революции, и особенно среди американских историков. Но, как пишет Р. Палмер, и те и другие сомневаются в том, что «классовый анализ является наиболее полезным методом для понимания Французской революции»¹⁸. Споры идут в сущности по поводу значения и использования некоторых понятий, главным образом таких как феодальный порядок, буржуазия, капитализм. В конце концов возникает вопрос: следует ли считать Революцию антифеодальной и антиаристократической? Составляла ли она необходимую переходную ступень к буржуазному и капиталистическому обществу?

А. Коббен восстает против интерпретации, согласно которой Француз-

¹⁶ Palmer R. R. 1789, p. 307.

¹⁷ Lefebvre G. Le mythe de la Révolution française.— AHRF, 1956, p. 337.

¹⁸ Palmer R. R. 1789, p. 303.

ская революция заменила старый порядок новым социальным строем¹⁹. «Если я выдвинул мнение, что интерпретация, согласно которой Революция заменила феодальный порядок буржуазным, капиталистическим строем, является мифом, то вовсе не для того, чтобы внушить мнение, будто мифична сама Революция и будто в ту эпоху во Франции не произошло ничего значительного». Значит, революция все-таки была (А. Коббен сначала предполагал назвать свою лекцию: «Была ли французская революция?»); но ее концепция, даваемая французской классической историографией,— не более чем миф, т. е. в прямом и переносном смысле слова она не имеет реальных оснований и не соответствует действительности.

Аргументация А. Коббена касается двух важных вопросов, а именно: была ли французская революция антифеодальной и капиталистической. Революция упразднила феодальный порядок. Но фактически, утверждает А. Коббен, феодальный порядок исчез уже давно. Революция способствовала установлению капитализма. Но в действительности, заявляет А. Коббен, революция была делом не настоящих капиталистов, а буржуа, главным образом занимавших различные должности и, следовательно, уже и раньше выполнявших все административные функции и сохранивших их.

В основе первого аргумента А. Коббена лежит его понимание термина *феодальный порядок* (*féodalité*)²⁰. Напомним для начала поговорку современных лингвистов: «Слова не имеют смысла, они имеют лишь употребление». Феодализм, феодальный порядок, феодальные права — употребление этих слов для XVIII в. может дать повод для споров. Медиевисты упорно возражают против их использования и осуждают такое «злоупотребление словами»*. Никто не оспаривает того, что хотя феодальный порядок в собственном смысле слова уже давно являл собой «одряхлевшую» систему, над которой, по выражению Карлейля, «уже совершили соборование», однако повинности, связанные с сельской сенььорией, сохраняли свою силу еще накануне Революции; никто не оспаривает и того, что феодализм был ответствен за все тяготы, связанные с сенььориальным порядком.

Но для нас важно здесь не столько юридическое определение «феодализма», сколько его социальный смысл; важен тот смысл, который вкладывали в него не юристы, а крестьяне. Когда строй приходил в упадок, смысл слова, разумеется, менялся, и даже многие нотариусы XVIII в. по невежеству или для упрощения смешивали феодальный порядок и сенььорию, феодальные повинности и сенььориальные повинности. Для крестьян как для людей, непосредственно связанных с землей, *феодальный порядок*

¹⁹ Cobban A. The Myth of the French Revolution. London, 1955; см. названную выше статью: Lefebvre G. Le mythe de la Révolution française; Cobban A. The Social interpretation of the French Revolution. Cambridge, 1964. Основное содержание этих статей повторено в книге: Cobban A. Aspects of the French Revolution. New York, 1968; The State of revolutionary history, p. 9; Historians and the causes of the French Revolution, p. 29; The myth of the French Revolution, p. 90; Political versus social. Interpretations of the French Revolution, p. 264; The French Revolution: orthodox and unorthodox interpretations, p. 275. По поводу этой дискуссии см. интересную статью: Cavanaugh G. J. The present state of French revolutionary historiography: Alfred Cobban and beyond.— French Historical Studies, 1972, N 4, p. 587.

²⁰ См. об этом: Soboul A. La Révolution française et la «féodalité». Notes sur le prélèvement féodal.— Revue historique, fasc. 487, juillet — septembre, 1968, p. 33; *idem*. Survivances féodales dans la société rurale française au XIXe siècle.— Annales E. S. C., 1968, p. 965 (см. рус. пер.: Собыль А. Крестьянские движения и феодализм. Конец старого порядка — середина XIX в.— В кн.: Французский ежегодник. 1968. М., 1970, с. 57—58). В качестве регионального примера для иллюстрации нашего положения см.: Leymarie M. Les redevances foncières seigneuriales en Haute-Auvergne.— AIHRF, 1968, p. 299.

* Имеется в виду, что многие французские ученые понимают выражения «феодализм», «феодальный порядок» в буквальном смысле слова, т. е. как отношения, связанные с феодем. При таком понимании «феодальный порядок» и «сенььориальный порядок» — понятия, не совпадающие.— *Прим. ред.*

был, говоря несколько высокопарным языком XVIII в., *порабощением земли*, над которой тяготело бремя неотчуждаемых поземельных рент, вечнонаследственных повинностей, пошлин выплачиваемых сеньору при переходе земли в другие руки, а также десятин — одним словом весь *феодальный комплекс*, по выражению юристов. Именно в таком смысле это слово употребляли во время Революции и долгое время спустя. Специалист в этих вопросах Мерлен из Дуэ ясно высказался по этому поводу в своем докладе от 4 сентября 1789 г. в Комитете феодальных прав Учредительного собрания: «Хотя эти слова *«феодальные права»* означают в строгом смысле слова лишь права, которые происходят из ленного договора и непосредственной первоосновой которых является ипфеодация, однако на практике их значение распространяют на все права, которые принадлежат чаще всего сеньорам и образуют то, что Демулен называет *«феодальным комплексом»*. Таким образом, хотя сеньориальные ренты, шампар, барщина, баналитеты, повинности, выплачиваемые взамен прежнего серважа, и т. д. не являются, собственно говоря, феодальными повинностями, нам придется ими без конца заниматься»²¹.

Еще более, чем все еще живая реальность этого слова, для нас важно его социальное значение. Эту проблему можно рассматривать с двух точек зрения. В первую очередь необходимо было бы выяснить, какую часть всей продукции сельского хозяйства взыскивали на основе феодальных повинностей, и, следовательно, определить, каким бременем они ложились на крестьян; во-вторых, установить, какую часть общего дохода сеньории составляли эти повинности. Мы здесь не можем входить в детали методологии этих исследований. Напомним просто в качестве примера, что для крестьянина Верхней Оверни феодальные поборы могли достигать одной пятой (20%) чистого продукта (т. е. за вычетом из валового продукта семян, расходов на обработку земли и содержание) и что в этой же провинции треть дохода сеньорий составляли феодальные повинности²². При более общем подходе Ж. Мейер считает, что французское дворянство взымало в свою пользу третью часть общего сельскохозяйственного дохода страны²³. Соотношение между бременем феодальных повинностей и доходами крестьян объясняет поведение крестьянских масс к концу старого порядка и в ходе Революции. Соотношение между феодальными повинностями и общим доходом сеньории проливает свет на поведение дворянства и служит одной из причин контрреволюции. Овернское дворянство не без оснований противилось упразднению феодального порядка, дойдя в своем сопротивлении до контрреволюции и эмиграции. Жакерия не без оснований свирепствовала в Верхней Оверни с 1789 до 1792 г. Для крестьян, как и для сеньоров, феодальный порядок и Революция отнюдь не были мифом.

Второй аргумент А. Коббена касается состава революционных Собраний. В Великобритании, говорит он, рост капиталистической буржуазии был ростом класса, занятого торговлей и промышленной деятельностью и поэтому состоявшего из купцов, банкиров, промышленников и предпринимателей. Между тем в Учредительном собрании эта категория составляла лишь 13%; две трети депутатов третьего сословия принадлежали к представителям свободных профессий. Можно ли приписывать этим людям желание заменить старый порядок капиталистическим строем? Более того, продолжает Коббен, из 1539 членов Учредительного собрания и Конвента 629 выполняли до революции общественные функции, а 289 из них

²¹ Rapport fait au nom du Comité des droits féodaux le 4 septembre 1789, sur l'objet et l'ordre du travail dont il est chargé... (Bibl. Nat., 8 Le 29 193, imp. in-8, 30 p.).

²² См. упоминавшуюся выше статью. М. Leymarie. Le redevances seigneuriales en Haute-Auvergne.

²³ J. Meyer. Noblesses et pouvoirs dans l'Europe d'Ancien Régime. Paris, 1973, p. 251. В качестве регионального примера см.: Idem. La noblesse bretonne au XVIIIe siècle. Paris, 1966, 2 v., p. 651; «Les composantes du revenu foncier de la noblesse».

были должностными лицами²⁴. Мы видим вновь этих людей в период Консульства и Империи не только на второстепенных должностях, как это было при старом порядке, но и на руководящих постах, которые до 1789 г. занимала дворянская олигархия. Таким образом, революция не была ни буржуазной, ни капиталистической, она просто привела к тому, что администрация и управление перешли в руки профессиональных чиновников, которым еще монархическое государство обязано было своей действительностью.

Второй аспект критической аргументации А. Коббена позднее, правда с различными оттенками, поддержали американские историки. Не вдаваясь здесь в детали всех споров и полемики, остановимся на позиции Элизабет Л. Эйзенштейн по вопросу о буржуазии и на позиции Джорджа В. Тэйлора по вопросу о капитализме²⁵.

Э. Л. Эйзенштейн в статье, опубликованной в 1965 г., затронула употребление Ж. Лефевром слова «буржуазия» в его работе «89 год»; она считает это употребление произвольным. По мнению Э. Л. Эйзенштейн, революционная инициатива принадлежала группе интеллигентов, сторонников новых идей, которые, хотя их социальное происхождение было различным, преследовали общие политические цели. Люди, которых Ж. Лефевр включает в абстрактную категорию буржуазии, якобы составляли незначительное меньшинство активистов. «Буржуазия не стояла у истоков сильного движения протеста в 1788 г. и не играла значительной роли в событиях и реформах 1789 г.». Эта революционная роль приписывается «группе вожаков различных сословий и общественных классов». Итак, по существу Э. Эйзенштейн ставила под сомнение определение буржуазии и, следовательно, буржуазный характер Революции.

Дж. В. Тэйлор обрушивается на концепцию капитализма. Под капитализмом он понимает главным образом вложение частных капиталов с целью получения прибыли; а под капиталистами — класс предпринимателей в понимании Адама Смита: инициаторов введения новых экономических форм, готовых идти на риск ради получения максимальной прибыли. Дж. Тэйлор противопоставляет им богатых некапиталистов, озабоченных просто надежным вложением денег, даже если прибыль будет незначительной. Это «некапиталистическое» богатство, «богатство, состоящее в собственности», по мнению автора, и состояло главным образом из земельных владений, городской недвижимости, покупаемых должностей и различных рент; оно якобы составляло 80% всего богатства Франции. Революция, несмотря на отмену продажи должностей, нисколько не изменила соотношения между капиталистическим богатством и богатством, состоявшим в собственности. «Основной вопрос, — пишет Тэйлор, — заключается в том, чтобы выяснить, противостояла ли экономически буржуазия 1789 г., каково бы ни было ее определение, другим классам, пользовавшимся иными источниками доходов». Он отвечает на этот вопрос отрицательно. Тэйлор, как и Коббен, приходит к заключению, что Французская революция не могла быть борьбой противостоящих друг другу классов, представлявших различные формы богатства и разные экономические интересы. Противоположность была чисто юридической, а не экономической. Французская революция была «по существу своему рево-

²⁴ «Прежде всего воздадим должное А. Коббену, — пишет Ж. Лефевр в вышеупомянутой статье (см. прим. 17), — за то усердие, с каким он составил перечень членов Учредительного собрания и Конвента по признаку их социального происхождения, по примеру исследований такого рода, принятых по инициативе Нэмира (Namier) английскими историками в отношении палаты общин. Эти исследования можно было бы углубить, и французским ученым следует заняться ими».

²⁵ Eisenstein Elizabeth L. Who intervened in 1788? A commentary on «The Coming of the French Revolution». — American Historical Review, LXXI, October 1965, p. 77; Taylor George V. Non-capitalist wealth and the origins of the French Revolution. — Ibid., LXXII, January, p. 469; См.: Palmer R. Polémique américaine sur le rôle de la bourgeoisie dans la Révolution française. — ANRF, 1967, p. 368.

люцией политической, повлекшей за собой и социальные реформы, но отнюдь не революцией социальной, имевшей политические последствия».

Что касается вопроса о буржуазии, то нельзя отрицать важной роли интеллигенции и должностных лиц при подготовке Революции и в ходе ее. Среди различных категорий буржуазии они, несомненно, относятся к наиболее прогрессивным элементам. Не следует чересчур преуменьшать роль идейного движения при подготовке Революции. В частности, должностные лица, достигшие если не богатства, то зажиточности и независимого положения благодаря покупке своих должностей, составляли культурную среду, где люди свободно критиковали существующий строй. В этом смысле и те и другие — и должностные лица и интеллигенты — способствовали формированию идеологии, которая вызвала пробуждение всех категорий буржуазии, а затем и появление у них классового сознания — явление, без которого Революция была бы немыслима.

Мы сказали «категории буржуазии»; следует подчеркнуть, что когда речь идет об обществе, существовавшем при старом порядке, то слово «буржуазия» чаще всего употребляется во множественном числе даже французскими историками. Не таится ли здесь более или менее явное намерение отрицать социальную реальность или по крайней мере реальность существования классов? Буржуазия, несомненно, была разнородной и многообразной: общественный класс редко бывает однородным. Но буржуазия была также и *единым целым*. В XVIII в., как и в любую историческую эпоху, классовые различия были многочисленны, разнообразны, часто едва уловимы: происхождение и размер состояний, воспитание и язык, платье и привычный образ жизни — ни один из этих критериев, взятый в отдельности, не служит отличительной чертой класса. В первом ряду критериев, определяющих буржуазность, несомненно, стоит состояние, притом не столько его размеры, сколько его происхождение, его форма, способ им управлять и его тратить — жить «по-буржуазному».

Необходимо пойти дальше и попытаться дать определение, содержащее минимум систематизации: найти простой подход, который позволит ухватить единство социального типа, порой внешне противоречивого. Дискуссия о «новых путях в изучении истории западной буржуазии XVIII и XIX вв.» на конгрессе историков в Риме в 1955 г., может послужить для этого основой²⁶.

По мнению Э. Лабрусса, к буржуазии «относится группа должностных лиц, служащих, чиновников, осуществляющая задачу руководства, группа, из которой сохранится та часть, которая не утвердилась в дворянстве. Сюда относятся собственники, рантье, ведущие буржуазный образ жизни... Разумеется, буржуазны также и свободные профессии в обычном смысле слова. Все эти разновидности вышли из бесчисленной группы руководителей предприятий, численно образующих огромное большинство класса: будучи собственниками средств производства или управляя средствами производства, которые обслуживаются наемным трудом, они извлекают из них основные средства к существованию и, главное, присваивают торговую и промышленную прибыль. Это разнообразная группа, она охватывает финансистов, судовладельцев, хозяев мануфактур, негоциантов, торговцев — вплоть до последних представителей низших категорий, до владельцев лавок и мастерских и самостоятельных ремесленников».

В ходе последовавшей затем дискуссии П. Вилар, более склонный к систематизации, уточнил: «Когда речь зашла об определении буржуазии с

²⁶ Labrousse E. Voies nouvelles vers une histoire de la bourgeoisie occidentale aux XVIIIe et XIXe siècles.— In: X Congresso internazionale di Scienze storiche. Relazioni, t. IV. Florence, 1955, p. 365. Определенный документальный интерес представляют следующие исследования о буржуазии: Assemblée générale de la Commission centrale... 1939 (Commission d'Histoire économique et sociale de la Révolution. Besançon, 1942, 2 v.), t. 1, p. 33; Léon P. Recherches sur la bourgeoisie française de province au XVIIIe siècle.— L'Information historique, 1958, p. 101.

точки зрения ее происхождения и ее численности, то можно ли считать, что Э. Лабрусс сделал это с помощью марксистских терминов: тот, «кто является собственником или управляет средствами производства...» Мы видим здесь следующие критерии: 1) свободно распоряжаться средствами производства; 2) применять на основе свободного договора, рабочую силу, располагающую только своей способностью к труду; 3) присваивать вследствие этого разницу между стоимостью произведенного товара и оплатой затраченного труда. Небуржуа — это тот, кто не живет, прямо или косвенно, на определяемое таким образом изъятие в свою пользу». Нам кажется, что такая попытка определения позволяет лучше понять положение и роль буржуазии во Французской революции.

Что касается вопроса о капитализме, то несомненно, что интеллигенция, должностные лица, так же, как и представители свободных профессий, были мало озабочены тем, чтобы содействовать его подъему. Однако необходимо уточнить, подвергались или не подвергались эти люди, эти члены Учредительного собрания влиянию и давлению групп, действовавших исходя из своих экономических интересов и старавшихся избавиться от всякой регламентации. Помимо того, что 13% членов Учредительного собрания составляли купцы и владельцы мануфактур, две группы весьма активно оказывали давление на дебаты: «чрезвычайные депутаты от мануфактур и торговли», представлявшие интересы портов, и клуб Массиак, отстаивавший интересы плантаторов Сан-Доминго, судовладельцев и сахарозаводчиков, который вмешивался каждый раз, когда что-либо угрожало колониальному режиму²⁷. С другой стороны, отметим, что члены Учредительного собрания, будучи сторонниками свободы личности и свободы мысли, были также, несомненно, сторонниками экономической свободы. Если Учредительное собрание определено не провозгласило этой экономической свободы, то во всяком случае оно установило и упорно сохраняло свободу торговли зерном, упразднило корпорации и отменило монополию крупных торговых компаний; все эти реформы благоприятствовали развитию свободного предпринимательства и свободному получению прибыли.

Хотя многие революционеры были сторонниками распространения мелкой собственности, хотя они не подозревали о возможностях капиталистической концентрации, хотя наиболее демократически настроенные из них считали идеалом общество, состоящее из мелких независимых производителей, результаты Революции оказались совсем иными: их нельзя соразмерять с намерениями ее участников. Многие вожди буржуазной революции не принадлежали к буржуазии, но это не может служить аргументом. С другой стороны, история вершится не только деятелями, выступающими на политической арене; это находилось бы «в полном противоречии с самой идеей социальной истории», как подчеркнул Шапиро в своей полемике с Э. Эйзенштейн²⁸. Что касается Французской революции, то наиболее существенным является то, что старая система производства была уничтожена и революция установила, без каких бы то ни было ограничений, свободу предпринимательства и извлечения прибыли, открыв таким образом путь капитализму.

Понадобилось еще много времени, чтобы капитализм окончательно утвердился; в период Революции его успехи были невелики; размеры предприятий часто оставались скромными; преобладал торговый капитал. Тем не менее уничтожение феодальной земельной собственности, корпоратив-

²⁷ См.: *Letaconnoux J.* Le Comité des députés extraordinaires des manufactures et du commerce et l'oeuvre de la Constituante.— *Annales révolutionnaires*, 1913, p. 149; *Debien G.* Les colons de Saint-Domingue et la Révolution. Essai sur le club Massiac. Août 1789 — août 1792. Paris, 1953.

²⁸ *Shapiro G.* The many lives of George Lefebvre.— *American Historical Review*, LXXII, January, 1967, p. 502.

ной системы и регламентации, обеспечив автономию капиталистического способа производства, безусловно расчистило путь к новой организации производства и обмена, т. е. к революционному преобразованию во всем его значении. История XIX столетия, в частности история рабочего класса, показали, что все это отнюдь не было мифом.

III

Именно в то время, когда в связи со статьей Эйзенштейн среди американских историков возобновилась дискуссия о буржуазном или небуржуазном характере Французской революции, во Франции в 1965 г. была предпринята ревизионистская попытка более широкого размаха, которая упорно продолжается и поныне. Историческая обстановка не была связана с «холодной войной»; но эту попытку нельзя отделять от общественных условий и политической борьбы, которая велась во Франции в 1965 г. Цель попытки все та же: отрицая реальное существование классов, найти другое объяснение революционному натиску. Отсюда — стремление к модернизации и возрождению либеральной концепции о двойственности Французской революции, но без признания ее разумности и неизбежности, что было характерно для трактовок Тьера или Гизо: революции просветителей из аристократической и буржуазной среды, революции, за которой без всякой необходимой связи последовала революция народная — насильственная и реакционная. Таким образом противопоставлялись два пути: путь реформ и революционный.

Знаменательно, что эта интерпретация прежде всего появилась в работе Эдгара Фора «Опала Тюрго. 12 мая 1776 г.» (*La disgrâce de Turgot. 12 mai 1776*), опубликованной в 1961 г.²⁹ Могли ли иметь успех предпринятые тогда либеральные реформы, если еще существовала феодальная структура и привилегии аристократии, на которые Тюрго, хотя и просвещенный министр, вовсе не намеревался посягать? В аналогичном духе была написана в 1965 г. работа Ф. Фюре и Д. Рише «Революция», произведение скорее публицистов, чем историков, не подкрепленное никакими научными исследованиями³⁰. Из различных тем, развивавшихся тогда и впоследствии беспрестанно поднимавшихся вновь, здесь следует остановиться на двух: на теме «революция элит» и на идее «*dégarage*», идее о том, что Революцию «занесло»; обе они подразумевают случайный характер Революции. «Была ли Революция неизбежна?» Фюре и Рише, несомненно, отвечают на этот вопрос отрицательно: «Все еще зависело от способности французского короля выступить арбитром и пойти на реформы».

«Революция элит» — это революция просветителей, революция 1789 г.³¹ В течение всего XVIII в. общность идей и вкусов, светская жизнь, несомненно, сблизила аристократическую и буржуазную элиты. Им было свойственно одинаковое стремление к политической свободе и одинаковое отвращение к народным массам и демократии. Революция совершилась в этих просвещенных умах прежде, чем она была перенесена на общественные отношения. Деятели 89 года были во власти духа реформ, распространившегося повсюду, был ли он связан с аристократическим либерализмом или с буржуазным мышлением. Следовательно, должно было существовать «тактическое объединение против абсолютизма», временный

²⁹ *Faure E.* *La Disgrâce de Turgot. 12 mai 1776.* Paris, 1961, coll. «Trente journées qui ont fait la France»; рец. Ж. Годшо см. в: «*Annales historiques de la Révolution française*», 1962, p. 105.

³⁰ *Furet F., Richet D.* *La Révolution.* T. I: Des Etats généraux au 9 Thermidor. Paris, 1965; t. II: Du 9 thermidor au 18 brumaire. Paris, 1966. Новое издание в одном томе: *La Révolution française.* Paris, 1972. Об этом труде см.: *Mazauric Cl.* *Reflexions sur une nouvelle conception de la Révolution française.*— AHRF, 1967, p. 339. С той же точки зрения написана: *Richet D.* *La France moderne: l'esprit des institutions.* Paris, 1973.

³¹ *Richet D.* *Autour des origines idéologiques lointaines de la Révolution française: élites et despotisme.*— *Annales E. S. C.*, 1969, p. 1.

союз различных руководящих социальных сил в течение предреволюционного периода. 1789 год был результатом роста сознательности элиты, т. е. это была революция просветителей, поскольку идеология составляет движущую силу истории. «Революция 1789 г. явилась результатом появления у элит в итоге длительного пути двойного сознания; прежде всего сознания своей самостоятельности, независимости по отношению к политическому порядку и затем сознания необходимости контроля над этой властью; сознания единодушного, причем роль инициатора и воспитателя играло дворянство, но оно распространялось на богатство, собственность и таланты. Это была Революция просветителей»³².

Можно лишь подчеркнуть упрощенческий характер этих взглядов. Во-первых, было ли воздействие эпохи Просвещения действительно столь объединяющим? Мне кажется, что не было, если судить по различиям в «судьбах» идей того или иного философа. Л. Альтюссер подчеркнул в 1959 г. в своем «Монтескье», каким «парадоксом для потомков» этого теоретика аристократической реакции было то, что на него притязали не только члены Учредительного собрания 1789 г., но даже Марат и Сен-Жюст³³. Что касается Руссо, который послужил, как известно, духовным источником якобинства, то его учение было также и одним из идеологических источников контрреволюции. Так выявляется прагматизм эпохи Просвещения: Просвещение искажается, преломляясь в различных социальных средах в зависимости от их конечных целей³⁴.

Что касается «элит», то в действительности объединенной элиты во Франции не существовало. Новейший историк дворянства Ж. Мейер решительно утверждает: «Французскому дворянству не удалось, да оно и не хотело слиться с интеллигенцией и с новыми общественными силами... Государство не сумело проводить политику, приемлемую для наиболее динамичных элементов буржуазии»³⁵. В этом суть вопроса. Революция просветителей, т. е. реформам, прелятировали привилегии. Ни дворянство, ни монархия не могли, не отказавшись от самих себя, согласиться на упразднение привилегий. Но буржуазная элита, с другой стороны, не могла согласиться на их сохранение. Внутренняя необходимость приводила обе эти категории в столкновение. Что касается «способности французского короля выступить арбитром и пойти на реформы», то глубокий анализ не правления Людовика XVI, а монархического государства к концу старого порядка показал бы, что в действительности король мог склоняться лишь «в одну сторону»: еще задолго до Революции монархия доказала, что она была государством аристократии. Это впоследствии проиллюстрировали речь и декларация Людовика XVI на королевском заседании Генеральных штатов 23 июня 1789 г.³⁶

Теория, согласно которой революцию «занесло», — еще более рискованная, чем теория так называемой «революции элит». Ее авторы фактически различают в 1789 г. три революции: революцию Учредительного собрания, носящую печать «победоносного» XVIII в., как позволяют определить наказания; революцию парижан, которые «восстают не для защиты Национального собрания и его завоеваний; это явится лишь объек-

³² Richet D. Op. cit., p. 23.

³³ Althusser L. Montesquieu. La politique et l'histoire. Paris, 1959. «Этот феодальный враг деспотизма стал героем всех противников существовавшего порядка. По странному капризу истории, тот, чей взгляд был обращен в прошлое, казалось, открывал путь в будущее».

³⁴ См.: Utopic et institutions au XVIIIe siècle. Le pragmatisme des Lumières. Textes recueillis par P. Francastel. Paris — La Haye, 1963.

³⁵ Meyer J. Nobles et pouvoirs..., p. 253.

³⁶ «Король желает, чтобы исконное различие трех сословий государства было полностью сохранено, так как оно неразрывно связано с устройством самого королевства» (Статья 1 Декларации короля) см.: «Recueil de documents relatifs aux séances des Etats généraux... sous la direction de G. Lefebvre, t. premier. «La Séance du 23 juin». Paris, 1962, p. 275.

тивным следствием их стремления защитить самих себя»; наконец, революцию крестьян, «громко стучащих в двери буржуазной революции, которая не решается открыть им»³⁷.

Конечно, мы больше не представляем себе Французскую революцию как революцию третьего сословия, протекавшую в целом величественно, без противоречий, как отчасти изображает ее Ж. Жорес в своей «Социалистической истории».

Фюре и Рише удивляются, что между богатой буржуазией XVIII в. и народными массами городов и деревень возник союз. Но он является для них «неожиданным» только потому, что они не обратили достаточного внимания на структуру общества старого порядка, характеризовавшуюся привилегиями и феодальными пережитками. На случайном, по их мнению, характере этого объединения буржуазии и народных масс городов и деревень и покоится их гипотеза о «трех революциях 1789 г.», ставшая понятием, необходимым для следующей гипотезы, согласно которой в период с 1792 г. до 9 термидора революцию «занесло», гипотезы, несомненно, еще более странной и рискованной.

Итак, по их мнению, либеральная революция 1789 г., определявшаяся программой ее просвещенных руководителей и компромиссом *сверху*, потерпев неудачу вследствие неспособности «монархии выступить арбитром и пойти на реформы», окончательно отклонилась в 1792 г. от своего первоначального курса в результате вмешательства народа. «Dégarage» означает, что это вмешательство не было ни необходимым для успеха буржуазной революции, ни глубоко обусловленным самой революцией. «Возьмем на себя смелость спросить: вследствие каких случайностей потерпела в тот момент неудачу рожденная XVIII в. либеральная революция, которую десятилетия спустя осуществит французская буржуазия?» Наши авторы не задаются вопросом о том, что как раз в этот период, когда революцию якобы «занесло», буржуазия смогла уничтожить все формы контрреволюции и сделать таким образом возможной либеральную систему, которая окончательно восторжествовала после 1794 г. Они не задаются вопросом о том, каковы были глубокие причины вмешательства народных масс. Они объясняют его лишь мифом о заговоре аристократии. Что же касается войны, то она в конечном счете была якобы вызвана «безудержным экспансионизмом Франции»³⁸. Итак, все сведено к идеологическим определениям. О хлебе насущном, главной причине выступлений народных масс в 1789—1795 гг., вообще нет речи. «Война и нажим парижской толпы увлекли Революцию с великого пути, начертанного ей разумом и богатством XVIII в.»³⁹. Народные массы приводились в движение только мифами и фантазиями, а война была всего лишь случайностью.

Итак, Фюре и Рише вновь вводят в историю случайность и иррациональное начало. Теория о том, что революцию «занесло», превращая революцию в случайное явление («ограниченные и случайные события 1789—1793 гг.»), — пишет в другом месте Д. Рише, не боясь показаться смешным⁴⁰), не вызываемое внутренней исторической необходимостью,

³⁷ Furet F., Richet D. La Révolution..., p. 106, 120.

³⁸ Ibidem, p. 270.

³⁹ Ibidem, p. 358.

⁴⁰ Richet D. La France moderne..., p. 7: «Все происходит так, словно ограниченные и случайные события 1789—1793 гг. резко отделили то, что было раньше, от того, что было позднее». Автор старается подменить понятие революции понятием перехода. См. статью, упомянутую в прим. 31, «Autour des origines idéologiques lointaines de la Révolution française». «С XVI по XIX в. в широком плане экономического развития происходят медленные, но революционные изменения, которые именно и представляли собой историю капитализма, один из важнейших фактов современности. Пусть именуют, если угодно, буржуазной революцией это многовековое движение, решающий этап которого относится ко второй половине XIX в.» (p. 22).

порывает с классическим направлением историографии Революции от Барнава до Тьера и Токвиля, от Жореса до Лефевра.

На глубокую связь Революции со структурой французского общества старого порядка с необыкновенной прозорливостью указал еще Барнав в написанном им в 1792 г. «Введении во Французскую революцию»⁴¹. В эпоху Реставрации историки либеральной школы, в свою очередь, подчеркивали внутреннюю логику революционного развития с 1789 г. и до брюмера VIII г.: в первую очередь Гизо, но также и Тьер, и Минье, которые опубликовали соответственно в 1823 и в 1824 гг. «Историю французской революции»⁴². По выражению Шатобриана, это была «фаталистическая» школа в том смысле, что и тот и другой видели в Революции логическое развитие, вызванное определенными причинами, а в терроре — зло, необходимое для спасения нации. В их трудах доминирует идея необходимости, придающая им методологическое единство и ясность. По мнению Минье, «сопротивление внутри страны привело к господству простонародья, а агрессия извне — к военному господству». И еще: «Три года диктатуры во имя общественного спасения были потеряны для свободы, но не для революции». Эта концепция глобальной и неизбежной Революции, исторической ее необходимости не исключала, однако, свободы выбора, человек сохранял полную ответственность за свои поступки. Следует подчеркнуть, что здесь сыграла определенную роль тогдашняя обстановка: в борьбе с крайней реакцией необходимо было обосновать надежды и укрепить позиции либеральной партии. Но эти историки не подчиняли историческую правду своим политическим предубеждениям. Они заложили одну из основ классической историографии Революции.

Токвиль, в свою очередь, со свойственной ему пронизательностью показал неизбежность Революции. «Всего менее Революция была событием случайным, — писал он в своем труде «Старый порядок и Революция» (1856 г.). — Правда, мир был застигнут ею врасплох, но тем не менее она была лишь завершением более продолжительной работы, стремительным и бурным окончанием дела, над которым трудились десять человеческих поколений»⁴³. Пусть перечитают введение Жореса к его «Социалистической истории»; пусть перечитают Лефевра...

Но подведем итоги. В 1789 г. не было трех революций, но лишь одна, буржуазная и либеральная, пользовавшаяся поддержкой народа, и в частности крестьян. В 1792 г. революцию не «занесло», ибо без вмешательства народных масс завоевания 1789 г. были бы навсегда подорваны. И год не был «временем величайших бед»⁴⁴, а был моментом сдвига влево, необходимого для обеспечения победы над контрреволюцией и коалицией и, следовательно, для спасения буржуазной революции.

IV

Нынешнее состояние историографии Французской революции, критика ее классической социальной интерпретации, не могут не привести на некоторые размышления методологического порядка.

История революции, как и всякая историческая тема, имеет свою структуру и, следовательно, мыслима, научно познаваема, как всякая иная реальность. Задача историка — если не добиться достоверности, то

⁴¹ См. прим. 7.

⁴² Об этих либеральных историках периода Реставрации, основателях классической историографии Революции и инициаторах ее социальной интерпретации см. превосходное введение Жюльиана (С. Jullian) к его труду «*Extraits des Historiens français du XIXe siècle*». Paris, 1898; См. также: *Lefebvre G. La naissance de l'historiographie moderne*. Paris, 1971. chap. XI; *Рейзов Б.* Французская романтическая историография (1815—1830). JL, 1956, гл. VII.

⁴³ *Tocquerille A. L'Ancien Régime et la Révolution*. Paris, 1952.

⁴⁴ *Furet F., Richet D. La Révolution...*, p. 294.

установить по крайней мере ряд вероятностей, или еще лучше, как сказал Жорж Лефевр, установить законы и тенденции развития. Токвиль пишет в своей работе «Старый порядок и Революция»: «Аристократии рождаются и сохраняются не случайно; как и все остальное, они подчинены определенным законам, которые, быть может, возможно открыть»⁴⁵. Отказаться от этой постоянной линии нашей классической историографии, отойти от этого требования рациональности, вновь ввести в историю случайность и иррациональность — все это кажется нам не шагом вперед в ремесле историка, а, напротив, шагом назад и как бы капитуляцией.

Забываясь об утверждении рациональности истории, в данном случае, точнее, революционных явлений, историк должен беспрестанно переходить от научных исследований к критическому размышлению. Он продвигается вперед между двух опасных рифов, которых должен остерегаться: с одной стороны ему угрожает вездесущий схематизм, который обедняет и засушивает богатейший исторический материал; с другой — упрощенный эмпиризм, который ввиду сложности действительности рассматривает и изучает лишь каждый случай в отдельности. Что касается Французской революции, то историк, если он стремится понять ее и дать какое-то объяснение сообразно с ее причинами и результатами, вынужден следовать какой-то теории, увязывая идеи с потребностями и воздействием общества.

Отсюда опять-таки вытекает необходимость определений и разработок концепций: вспомним о спорах по поводу слова *буржуазия*. История может двигаться вперед только при том условии, что она будет опираться на ясно разработанные направляющие концепции. Отказ от этого фактически приводит к тому, что ставится под сомнение история, и особенно социальная история, как наука, способная объяснять. Важно было бы договориться об этих необходимых концепциях и определениях, разумеется, могущих подвергаться изменениям и усовершенствованию. Размышления историка непрестанно толкают его к разработке теории и только, идя этим окольным путем разработки концепций и теоретических рассуждений, можно надеяться прийти к пониманию анатомии и физиологии обществ и революций⁴⁶.

Говоря о Французской революции и о критике ее классической социальной интерпретации, мы не достигли окончательно согласия. Историки, отвергающие эту интерпретацию, совершенно не в состоянии охватить весь процесс Революции в целом и дать ему всеобъемлющее объяснение. Poleмика касается главным образом природы аристократии и буржуазии и их роли в Революции⁴⁷, природы и роли в революции городских масс. Крестьянство остается в стороне, между тем оно насчитывало не менее 20 млн. человек, а все население страны составляло 25 млн. человек. Однако начатые еще Лучицким и Лефевром научные исследования и критические размышления показали всю важность аграрного вопроса, показали, что он занимает во Французской революции «ключевое положение». Но эту основную проблему ревизионистские критики полностью оставляют в тени.

Приходится констатировать, что всеобъемлющей истории Революции не существует; имеются лишь истории, выделяющие из нее отдельные части и тем самым разрывающие связи, объединяющие их с другими аспектами той живой и богатой материи, какую представляет собой исто-

⁴⁵ Цит. по: *Lefebvre G. Réflexions sur l'histoire.* — La Pensée, mai — juin 1955, p. 27.

⁴⁶ См.: *Soboul A. Description et mesure en histoire sociale.* — L'Histoire sociale. Sources et méthodes. Paris, 1967, p. 9.

⁴⁷ См. новейшие работы: *Lucas C. Nobles, bourgeois and the origins of the French Revolution.* — Past and Present, N 60, August 1973.

рия⁴⁸. Задача состоит, конечно, не в том, чтобы сказать все обо всем, а в том, чтобы подчеркнуть, в чем частное зависит от общего (и наоборот). Мы далеки от мысли отрицать необходимость частных исследований. Они тоже могут дать нам сведения об исторической специфике рассматриваемого ими предмета, но при условии, что они непременно вписываются в историческое целое. Однако, мы часто констатируем, что эти частные исследования мало-помалу замыкаются в ограниченных рамках своей темы, чтобы прийти к выводам, пригодным только для внутреннего употребления; тогда эти исследования не достигают своей цели — им не хватает подлинного, всеобъемлющего исторического мышления. Как можно писать о дворянстве старого порядка, не ставя одновременно во всей широте крестьянского вопроса?⁴⁹ Всякая частная проблема должна мыслиться исторически: ее нельзя отделять от ее исторического контекста, чтобы ради дополнительных и все более и более посторонних целей абстрагировать некоторые ее воображаемые аспекты. Практика частичной истории, без видения целого, содержит зародыши настоящего искажения и в конце концов обречена на бесплодную абстракцию. Видимо, к этому и пришла ревизионистская попытка, предпринятая в отношении классической социальной интерпретации Французской революции. Какой всеобъемлющей научной интерпретацией заменили ее Коббен и его подражатели? Следуя моде, быстротечной по природе, критикуя, но не строя заново, отрицая рациональность хода истории, они создали лишь частную историю, целиком зависящую от обстоятельств, заранее обреченную на устаревание и уже отжившую.

«Чтобы восстановить историческую жизнь, — писал Мишле, — за ней надо терпеливо следовать на всех ее путях, наблюдать все ее формы, все ее элементы. Но надо также с еще большей страстью воспроизводить, восстанавливать все это в целом, взаимодействие этих различных сил в мощном движении, которое превратилось бы в саму жизнь».

⁴⁸ Мы отсылаем читателя к размышлениям Гегеля о всеобщей и специальной истории. См. Введение к «Философии истории» (лекции 1822 г. по историографии). — Гегель. Сочинения, т. VIII. М. — Л., 1935.

⁴⁹ См.: Meyer J. Noblesses et pouvoirs dans l'Europe d'Ancien Régime. Paris. 1973.

Материалы к теме:

А.Адо. Живое наследие Великой революции. Предисловие к серии книг к 200-летию Великой французской революции

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p57334957.htm#more1>

«Эпоха Великой французской революции: проблемы истории и историографии».

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/vfr-88.pdf>

З.Чеканцева. Эпистемологическая природа «ревизионистской атаки»

на «классическое» видение Французской революции XVIII в.

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/chekanz3.pdf>

З.Чеканцева. Эпистемологическое обновление историописания

и Французская революция XVIII в. <http://vive-liberta.narod.ru/journal/chekanz2.pdf>

Маркс, марксизм, советские историки и история Великой французской революции

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p94081604.htm>

А.Гордон. Великая французская революция:

метаморфозы нормативно-цивилизационной модели

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/gordon2.pdf>

В.Смирнов. Образ французской революции в пост-советской историографии

<http://enlightment2005.narod.ru/arc/smirnov.pdf>

В.Далин. О новых работах Ричарда Кобба

http://viveliberta.ucoz.ru/hist-sci/dalin_fe-73.pdf

А.Гордон. Советские историки и «прогрессивные ученые» Запада

(история с Ричардом Коббом) <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Gordon-2007.html>

А.Манфред. О некоторых спорных и нерешенных вопросах историографии

Великой французской революции - в работе